Историческое похвальное слово
Суворову
или лавры
генералиссимуса
князя Италийского
и
графа Рымникского.

Санктпетербург
1810

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СУВОРОВУ,

ИЛИ

ЛАВРЫ

ГЕНЕРАЛИССИМУСА КНЯЗЯ ИТАЛІЙСКАГО И ГРАФА РЫМНИКСКАГО

Печатано съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

При Императорской Академіи Наукъ
1810 года.

Возьми кто лѣтопись вселенной,
Геройскія дѣла читай,
Цѣня ихъ истиной священной
Съ *Суворовымъ* соображай;
Ты зришь тѣхъ слабость, сихъ пороки
Поколебали духъ высокій:
Но Онъ изъ младости спѣшилъ
Ко доблести простерть лишь длани;
Куда ни посланъ былъ на брани,
Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

Державинъ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ

ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

съ глубочайшимъ благоговѣнiемъ
посвящаетъ

вѣрноподданный
Николай Язвицкiй.

Древніе Поэты и Ораторы непрестанно славили мужей великихъ. Они въ присутствіи всего народа гремѣли на каѳедрахъ и съ душевнымъ жаромъ краснорѣчія превозносили подвиги геройства и добродѣтели. Но никогда перо ихъ не имѣло столь блистательныхъ подвиговъ, столь любезныхъ предметовъ для сердецъ своихъ согражданъ, какъ сіи, къ которымъ призываетъ меня чувство патріотизма и пріятное воспоминаніе славы своего Соотечественника...

Становлюсь въ средоточіи Европы; обращаю глаза свои отъ одного края къ другому, вижу померкшіе Лавры на главахъ многихъ Вѣнценосце-Героевъ, изчезнувшіе тріумфы на горизонтѣ величества и славы; вижу падшіе престолы и Царства и надъ ними въ немерцаемомъ свѣтѣ и полномъ величіи носящуюся тѣнь Суворова!....

Россіяне! При произнесеніи имени сего Героя, я вижу, что радость покрыла лице ваше—вы всѣ желаете узрѣть его.

Но — увы! уже нѣтъ!. Нѣтъ, на свѣтѣ сего великаго человѣка. Мы давно оплакали смерть его. Признательная рука чувствительнаго и мудраго Монарха воздвигла ему памятникъ, которой питаетъ душу, увеселяетъ глаза, и влечетъ къ себѣ сердце каждаго Россіянина. Новый Прометей оживилъ сего Героя и сообщилъ мужественный духъ и движеніе, не движущимся уже болѣе его членамъ. Онъ стоитъ окруженъ трофеями и знаками побѣдъ своихъ. — На сторонѣ покоятся три Царскіе вѣнца — и мечь, вложенный въ руку его, кажется, и теперь охраняетъ ихъ. — Германцы, сіи свидѣтели громкихъ побѣдъ его начертали жизнь, изображающую важный и достопочтенный характеръ Суворова, и предали оную въ сохраненіе потомства... и уже ли симъ свершились всѣ воздаянія? — Уже ли сей мужъ, сей полночный Герой и *Любимый* сынъ Марса, болѣе полувѣка дѣйствующій на щастіе Россіи, не заслужилъ благодарности Россіянъ?.. Нѣтъ! онъ достоинъ, чтобъ всему свѣту возвѣстили о немъ тѣ пылкія и красноречивыя уста, которыя славили без-

смертную ЕКАТЕРИНУ! (*) Конечно, онъ не требуетъ похвалъ сихъ: ибо онѣ будутъ только слабыми отголосками тѣхъ военныхъ громовъ, которые катались по стѣнамъ Измаила, Праги и на вершинахъ горъ Алпійскихъ. Но благодарность, сіе сладостное чувство, возбуждаетъ въ душѣ каждаго сильныя движенія — и я, не могши удержать стремленія моего сердца, хочу возвысить *слабый* гласъ мой и возвѣстить знаменитыя дѣла его.

Чувствую, сколь слабы будутъ черты мои... Ибо какъ трудно изобразить такого Героя, которой своими подвигами удивилъ вселенную! Какой умъ можетъ постичь непостижимые дарованія Суворова? Чья рука удачно начертитъ чудесныя дѣла, имъ произведенныя? Какая кисть живо оттѣнитъ картину его славы, храбрости, щастливыхъ успѣховъ, и въ полномъ свѣтѣ представитъ оную глазамъ отдаленнаго потомства? —

(*) Здѣсь разумѣю я Г. Карамзина.

Щасшливъ, кто можетъ сташь на ряду съ мужами великими и говоришь съ грядущими вѣками!

Избранные Ораторы! знатоки сильнаго, разительнаго слога, вы можете ласкаться симъ щастіемъ. Безъ сомнѣнія, вы обезсмертите себя, начертавъ огненнымъ перомъ вашимъ быстрые подвиги Суворова! Но я, не ищу себѣ славы Оратора. Одна любовь къ знаменитѣйшему Герою движетъ перомъ и моимъ сердцемъ. Не смѣю ласкаться надеждою заслужить вниманіе свѣта; для меня довольно, когда удостоюсь малѣйшаго одобренія за труды свои. Естьли же... Но я буду утѣшаться и тѣмъ, что имѣлъ рвеніе цѣнить высокія заслуги храбрѣйшаго изъ всѣхъ моего Соотечественника. Ахъ! какъ сладостно и въ неизвѣстности питать любовь къ Отечеству! Смиренное имя патріота, драгоцѣннѣе гордаго титла Ораторовъ и пріятнѣе всѣхъ похвалъ холодныхъ критиковъ....

Читая Исторію времянъ, видимъ мы безчисленный рядъ Героевъ, полубоговъ

человѣчества. Сѣдая древность наиболѣе всѣхъ гордится ими, но никогда еще Грецiя, Римъ и вся сѣверная Европа не производили столь храбраго, добродѣтельнаго и великаго человѣка, коего бъ имя для всѣхъ сердецъ сдѣлалось столь сладостнымъ и прiятнымъ, какъ имя Россiйскаго Героя Суворова. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ щастливыхъ завоевателей, которые являются только во времена Государственныхъ переворотовъ, и назначаются Провидѣнiемъ утверждать могущество, славу и щастiе народовъ.

Суворовъ, какъ *Воинъ* прославилъ Россiю, затмилъ всѣхъ ея соперниковъ, и такъ укрѣпилъ границы ея, что она въ концѣ восмнадцатаго столѣтiя, при всѣхъ нападенiяхъ, при всѣхъ потрясенiяхъ, колебавшихъ Европу, пребыла неколебима и достигла неимовѣрной степени величiя.

Какъ *мирный гражданинъ*, ознаменовалъ жизнь свою любовiю къ ближнему, вѣрностiю къ Престолу, ревнiемъ къ Отечеству, почтенiемъ къ Богу.... Россiяне! Суворовъ и *Геройствомъ* и

Добродѣтелію заслужилъ безсмертіе и вниманіе потомства. И такъ остановимся на двухъ разительныхъ чертахъ сихъ. Но сперва кинемъ взоръ на младенчество нашего Героя.

Суворовъ, рожденный и воспитанный въ колыбели Россіи, еще съ матернимъ млекомъ, или лучше, отъ самой природы получилъ духъ храбрости, *драгоцѣнное наслѣдіе* нашихъ предковъ, бранноносныхъ Славянъ и непобѣдимыхъ Скиѳовъ. Еще въ младенчествѣ носилъ онъ отпечатокъ героизма на своемъ лицечертаніи. Едва рука его могла держать мечь онъ имѣлъ столько духу, чтобъ отказаться отъ мирной статской жизни, и хотѣлъ летѣть подъ знамена своего отечества. Но зная, что сей рыцарскій пламень пагубенъ въ человѣкѣ, естьли не будетъ смягченъ нѣжными руками музъ, разливающихъ чувствительность въ душѣ нашей, — онъ удержалъ на нѣсколько времени порывъ своего сердца, и остался въ отеческомъ домѣ. Въ томъ возрастѣ, когда другіе предаются забавамъ и ребяческой разсѣянности, Суворовъ рев-

ностно предался наукамъ. Ко всему прочему казался онъ невнимательнымъ. История и Философія скоро познакомили его съ высокими понятіями, и вселили въ младое сердце кроткую нравственность и любовь къ отечеству. Волфъ, Лейбницъ и Ролленъ, сіи знаменитые писатели, были первыми руководителями Суворова. Монтекукули и Юлій Цезарь покоились на груди младенца-героя. Мужи, прославившіеся въ древности болѣе всего, занимали мысль его. Душа Суворова, часто соединялась съ тѣми великими душами, которыя служили украшеніемъ вѣкамъ протекшимъ и толико превознесены предками нашими, что мы осмѣлились не вѣрить существованію оныхъ. Но Суворовъ подтвердилъ вѣроятіе и истощилъ всѣ похвалы наши. Онъ воскресилъ въ себѣ воспитанниковъ Спарты и мужественныхъ сыновъ Ликурга. Никто не походитъ столько на древнихъ, какъ Суворовъ. Строгость къ самому себѣ, сія отличительная черта любомудрыхъ, наблюдалась во всѣхъ поступкахъ. Изнѣженность, обыкновенная спутница младаго дворянства, не смѣла къ нему прикоснуться.

Тѣлесныя движенія, простая, здоровая пища, привычка къ трудамъ, укрѣпляли физическія силы его и заранѣе приготовляли къ тому званію, къ коему влекла его природа. Будучи сыномъ знаменитаго отца, воспитывался какъ самый простый воинъ. Все, что могъ дѣлать, дѣлалъ самъ, и не отягощалъ услугами рабовъ своихъ. Не желая быть Философомъ, всѣ поступки свои ознаменовывалъ мудростію Сократа. Суворовъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые подражали иностранцамъ, портили природный вкусъ, давали мѣсто прихотямъ и забывали драгоцѣнное наслѣдіе отцевъ своихъ: *простоту* и *умѣренность*. Онъ изучился Нѣмецкому и Французскому языкамъ; (*) но не занялъ ни одной странности отъ сихъ народовъ. За великую честь поставлялъ себѣ слѣдовать поступкамъ и обычаямъ Святослава, Владимира, Пожарскаго. Гордясь именемъ Великаго своего народа сохранилъ достопочтенный характеръ Рос-

---

(*) ВЪ послѣдствіи времени научился онЪ Италіянскому, Молдавскому, Польскому, Турецкому.

сіянина, которой имѣлъ щастливое вліяніе на всю жизнь и дѣла его. Не зная искуства льстить, умѣлъ онъ понравиться каждому. Одинъ наружный видъ его показывалъ необыкновеннаго человѣка, и привлекалъ всеобщее вниманіе. Быстрые глаза, возвышенное чело и всѣ черты лица изображали проницательность и разумъ. Степенность, важность, мужественное обращеніе, заставляли забывать въ немъ младенца. Каждый шагъ его, былъ шагъ — геройскій; каждое движеніе — неустрашимость. Во всѣхъ поступкахъ было какое-то величіе; во всѣхъ словахъ, краткость, выразительность, острота, сила. Словомъ, все доказывало, что сей младенецъ будетъ нѣкогда подпорою Россіи и Геркулесомъ своего времени..

Суворовъ рожденъ былъ для утѣшенія родителей, друзей и для украшенія всего своего сѣмейства. Кротость, великодушіе, искренность, рѣдкія дарованія, плѣняли сердце каждаго и дѣлали честь Россійскому дворянству. Слава своего Отечества была единственною стихіей Суворова.

Восхищенъ будучи громкими имена-ми Кесаря, Карла, Петра Великаго, онъ учился подражать имъ, въ быстротѣ и неустрашимости. Проницательный и тонкій умъ вскорѣ поставили его на тотъ степень военнаго искуства, что онъ будучи еще младенцемъ, могъ давать наставленія старшимъ воинамъ....

Почтенные Старцы! Вы, которые имѣете щастіе называться сверстника-ми Суворова, которые раздѣляли съ нимъ первые дни жизни своей, разскажи-те о цвѣтущей юности вашего друга—! разскажите, мы съ восторгомъ будемъ внимать словамъ вашимъ! Чувствую, что я оскорбилъ разборчивый слухъ вашъ, представя столь слабо, столь не-живо прекрасное, неизобразимое и въ послѣдствіи своемъ для цѣлой Россіи благодѣтельное утро Суворова. Про-стите, и мою неживость дополните жи-востію тѣхъ чувствъ, которыя наслаж-дались восходомъ благотворнаго свѣтила сего. Но я, (ахъ! какъ тягостно для моего сердца) не зрѣлъ даже и величе-ственнаго запада нашего Героя... Одни,

етъ быть, еще и не такъ вѣрныя) анія иностранцевъ сообщили мнѣ ое понятіе о чудесныхъ дѣлахъ (*) Посему начертанное мною есть ько одна тѣнь, одно слабое описа- неизчислимыхъ побѣдъ Его. Но и сіи ѣды заслуживаютъ удивленіе свѣта. акъ я осмѣливаюсь пуститься въ слѣдъ ночнаго Орла, на быстрое пареніе о съ изумленіемъ смотрѣла вся Евро- .. Какое поле для размышленія! — ая жатва для ума! — и вмѣстѣ ка- разительная картина стремленій овѣческаго сердца ко всему Великому, щному, превыспреннему!..

Живыя, сильныя страсти, подчинен- разсудку всегда производили чрезвы- ное въ мірѣ. Суворовъ съ пылкою іею, съ героическимъ сердцемъ, сла- і по возрасту, но крѣпкій по уму не

(*) Сочиненіе сіе писано еще въ 1807мъ году. Я могъ только получить нужныя для сего свѣденія изъ жизни Суворова, переведенной съ Нѣмецкаго языка и изданной на Россійскомъ въ 3 частяхъ.

умедлилъ прославить своего имени. Семнадцати лѣтъ пустился онъ въ то поприще, на которомъ пожалъ столько Лавровъ и затмилъ славу всѣхъ Героевъ. Вступя простымъ воиномъ, скоро сдѣланъ великимъ Полководцемъ. Семилѣтняя война съ Пруссіею, была первымъ зрѣлищемъ, на которомъ явилъ онъ опыты своего мужества. При взятіи Берлина, на сраженіи при Рейхенбахѣ, при разбитіи и взятіи въ плѣнъ Генерала Курбира, и во многихъ другихъ случаяхъ, показалъ младый Герой нашъ свою расторопность, присутствіе духа, предпріимчивость и дѣятельность, превышающія способности искуснаго вождя. Проницательность Румянцова скоро познала достоинства Суворова и изъявила къ нимъ должное уваженіе. ЕЛИСАВЕТА почтила его именемъ Полководца... — Внутреннія расположенія Россіи, кажется, споспѣшествовали къ усовершенію Суворова.

По смерти ЕЛИСАВЕТЫ восходитъ на Престолъ кроткая и миролюбивая ЕКАТЕРИНА, и пресѣкаетъ всѣ военныя дѣйствія. Обозрѣвъ быстрымъ окомъ

всѣ политическія цѣли, приняла Она для своего Государства гораздо лучшія мѣры. Вызвавъ вспомогательныя войска, заключила миръ съ Пруссіею. Она была увѣрена въ добромъ расположеніи Фридерика; а по сему не имѣла нужды, ни увеличивать его могущества, ни способствовать его угнѣтенію.

Отечество наше имѣетъ неизчерпаемые источники и чрезвычайныя силы. — Намъ не нужно прибѣгать къ вспоможеніямъ; мы всегда можемъ двигаться собственными силами и опираться на свои средства; мы одни въ состояніи выдержать всѣ нападенія и противостать всѣмъ силамъ Европы. ЕКАТЕРИНА очень знала сіе и дала почувствовать тоже самое всѣмъ другимъ Державамъ. Политики простерли жадное вниманіе на новый образъ мудраго правленія Ея. ЕКАТЕРИНА желала всѣмъ цѣлости, успѣховъ, благоденствія, и послѣ доказала просвѣщенному свѣту, что всѣ Ея намѣренія къ тому единственно стремились, дабы утвердить спокойствіе въ Европѣ и возвеличить Россію предъ всѣми народами земными.

Между тѣмъ, какъ Россія подъ кроткимъ Скипетромъ ЕКАТЕРИНЫ покоилась въ объятіяхъ тишины и мира — Суворовъ готовился къ брани и не давалъ себѣ спокойствія ни на одну минуту. То самое поле, на которомъ зримъ теперь его памятникъ, было для него военною школой. Онъ подобно Римскимъ Сципіонамъ и Маріямъ, покрытый пылію ипотомъ, въ воинскомъ дыму, при звукѣ мечей и ружей вдыхалъ геройство въ каждаго воина; приучалъ къ трудностямъ, готовилъ дѣйствовать противу непріятеля и соблюдать порядокъ при самыхъ быстрѣйшихъ движеніяхъ. Военные походы, маневры и другіе симъ подобныя занятія были душею Суворова. Тутъ выдумывалъ онъ новыя предначертанія, изобрѣталъ способы и легкія правила для обученія ратника. Всѣми мѣрами старался онъ облегчать горестную участь его, смягчить военную строгость, уменьшить тягостныя приготовленія, и дать, такъ сказать, естественное, непринужденное направленіе всѣмъ его дѣйствіямъ. Не *жестокостію*, но гласомъ *убѣдительнаго наставленія* и кротости исправляются

ошибки воина, часто говорилъ онъ офицерамъ своимъ и въ самомъ гнѣвѣ не забывалъ благородныхъ чувствъ сихъ. За то всегда заслуживалъ лестное одобреніе человѣколюбивой Монархини. Правда, что въ наставленіяхъ его было что-то *грозное*, *но отеческое*. Будучи строгъ отъ природы онъ всегда умѣрялъ страсть сію; приятное обхожденіе, дружеская любовь, ласковость, безпримѣрная снисходительность: — вотъ главныя качества, которыя на полѣ брани, во время мира и въ частномъ обхожденіи неразлучны были съ Суворовымъ!.. —

Въ рѣдкіе часы отдохновенія дѣятельный Герой не могъ предаваться свѣтской разсѣянности; уединясь въ кабинетѣ бесѣдовалъ онъ съ знаменитыми писателями. Изъ книгъ учился военнымъ оборотамъ, тактикѣ и въ тоже время посѣвалъ въ душѣ своей правила нравственности, которыя научая исполнять волю начальниковъ вскорѣ и его содѣлали справедливымъ и благоразумнымъ повелителемъ. Особливое вниманіе обращалъ онъ на все *великое и важное*. Чи-

шалъ, занимался, размышлялъ, и вскорѣ открылъ въ себѣ Генія Тюреня, что я говорю? Генія Суворова. Каждый часъ представлялъ ему какъ бы новое открытіе, которое обновляя вниманіе души, служило для него нѣкоторымъ отдохновеніемъ. Но Суворовъ думалъ ли когда нибудь о отдохновеніи?.. Праздность? — О! сей идолъ изнѣженности даже не былъ извѣстенъ дѣятельному и все низкое попирающему Герою. Одно сладкое дружество могло нѣсколько похитить драгоцѣнныхъ минутъ его. Но сіи минуты можноли назвать потерянными для того, которой и самыя забавы свои умѣлъ обращать въ общественную пользу? Нѣтъ - онѣ распространяли, или лучше сказать, услаждали единообразный кругъ его занятій...

Наконецъ плоды шестилѣтнихъ размышленій и сила чрезвычайнаго ума должны были обнаружиться на самомъ дѣлѣ. Смерть Августа третьяго, Короля Польши разрушила миръ. Сія страна сдѣлалась жертвою войны междоусобной. Дворяне, подстрекаемые честолюбіемъ, обольстились блескомъ престола, и напе-

рерывъ старались похитить власть Королевскую. Народъ, увлеченный пристрастіемъ въ избраніи Короля раздѣлился на разныя мнѣнія. Недовѣрчивость тайно снѣдала каждаго. Внутренніе мятежи, неустройства, и многія другія нещастія, — были пагубными слѣдствіями безначалія. Они такъ обезсилили республику сію, что она не въ состояніи была управлять собою. Многіе Дворы не обращали на сіе почти никакого вниманія. Но мудрая ЕКАТЕРИНА, цѣня дорого спокойствіе Европы и зная истинную пользу своей Имперіи, не могла смотрѣть равнодушно на Польскія произшествія. Она вмѣшалась въ дѣла ихъ, силою ума своего согласила было разныя стороны, прекратила на минуту раздоры и избрала имъ Короля. Гордость, желающая воцариться на мѣстѣ Станислава Августа, раздражилась симъ поступкомъ. Поляки воспылали завистію и дерзнули оскорбить мудрость ЕКАТЕРИНЫ и величіе Россіи. Возможноль было принять стыдъ и униженіе отъ того народа, который для насъ былъ опасенъ, который пользуясь нѣкогда изнеможеніемъ

нашимъ, писалъ намъ обидные уставы, и налагалъ цѣпи на драгоцѣнную свободу Княжествъ нашихъ? ЕКАТЕРИНА извлекла мечь, вручила его воинству своему и повелѣла усмиришь бунтующихъ Поляковъ.

Суворовъ исполняя долгъ свой подобно быстро-парящему орлу летитъ на Польскія границы. Ратники, ободренные его мужествомъ, увѣренные въ его храбрости, стремятся во слѣдъ скоротечнаго вождя ихъ. Идутъ — и все повинуется, уступаетъ стопамъ ихъ и крѣпости. Неизмѣримыя пространства, шумящія рѣки, непроходимыя болота, мрачные лѣса, ничто не могло удержать быстраго теченія Россіянъ. Чрезъ двѣнадцать дней явились они предъ взоромъ бунтующаго народа. Громъ оружія возвѣстилъ о приближеніи полковъ нашихъ. Ударили — и толпы мятежниковъ разсѣялись, какъ прахъ отъ перваго дуновенія вѣтра! Но все еще не хотѣли покориться требованію ЕКАТЕРИНЫ; все еще силились утвердить власть свою; за то Котелуновскіе, Пулавскіе, Огинскіе ис-

пытали крѣпкую руку младаго Героя — Суворова... Республика лишилась войскъ своихъ и увидѣла Россійскія знамена, развѣвающіяся надъ развалинами злодѣйскихъ своихъ замысловъ. Гордый народъ затрепеталъ отъ ужаса и повергся къ стопамъ своихъ побѣдителей. — Вотъ сколько былъ скоръ и значителенъ первый шагъ Суворова!. Бунтовщики поздно узнали свое заблужденіе; потеря ихъ была невозвратна. Порокъ былъ неизгладимъ. Они лишились довѣрія и республиканской свободы. ЕКАТЕРИНА почла за долгъ управлять ихъ политикою. Съ двухъ сторонъ умалили области Польши; а съ третьей она сама должна была возвратить несправедливое отъ нее пріобрѣтеніе.

И такъ миръ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени возстановленный въ сей республикѣ по всей справедливости должно приписать дѣятельности и быстротѣ Суворова. Онъ возвращается съ именемъ *усмирителя Поляковъ*, и удостоивается наградъ, соразмѣрныхъ его успѣхамъ.

Оттоманская Имперія при Польскихъ потеряхъ и выигрышахъ Россіи не мог-

оставаться равнодушною. Одинъ и совсѣмъ бездѣльной предлогъ воспалилъ ихъ прежнюю ненависть. (*) Слѣпая и безразсудная страсть побѣдила чувствіе справедливости. Султанъ нарушилъ Права Народовъ, заключилъ въ семибашенной замокъ нашего уполномоченнаго и объявилъ войну. ЕКАТЕРИНА противъ таковыхъ несправедливыхъ оскорбленій приняла должныя мѣры.

Герой, возмужавшій подъ Россійскими знаменами, извѣстный по своей дѣятельности, способностямъ и твердости, съ каковою устоялъ онъ противу Прусаковъ, назначается главою войскъ нашихъ. Онъ идетъ на поле сраженія, и Суворовъ ему предшествуетъ. Тогда, какъ первый поражаетъ Турокъ на бе-

---

(*) Во время Польскихъ произшествій Россіяне одинъ корпусъ Конфедератовъ преслѣдовали даже на самые Турецкія земли. Пограничный небольшой городъ Балта былъ сожженъ. Сіе было причиною къ войнѣ. Не обида, но одна случайность оскорбила Турокъ.

регахъ Прута; другой мудрыми распоряженіями, быстрымъ нападеніемъ, два раза разбиваетъ непріятеля по ту сторону Дуная, беретъ Туртукай, овладѣваетъ многисленнымъ водоополченіемъ истребляетъ сильныя отряды и дѣлается страшнымъ для всѣхъ Турокъ. Дунай и Арпышъ были свидѣтелями неустрашимости вождя сего. Быстрыя, крутящіяся ихъ волны неоднократно ослабляли тѣлесныя силы Суворова; но ни одного раза не могли лишить его присутствія духа; ни одного раза не могли вырвать изъ рукъ его побѣды. Въ самомъ изнеможеніи, при всемъ истощеніи силъ, пылкая душа его сообщала воинству Россійскому какую-то необыкновенную, чудесную храбрость; и оно находясь подъ предводительствомъ его, гдѣ только ни сражалось, вездѣ было побѣдителемъ. Таковые успѣхи Россіянъ скоро принудили Турокъ заключить миръ, который много доставилъ намъ существенныхъ выгодъ. Турки признали независимость Крымскихъ Татаръ, уступили намъ многія степи, и позволили кораблямъ нашимъ разъѣзжать по Черному морю, чрезъ Дар-

данеллы, даже до стѣнъ Константинополя. Но веселіе, каковое обыкновенно вкушаютъ послѣ выигрышей, полученныхъ отъ непріятелей, растворено было внутреннимъ безпокойствомъ. Быстрый козакъ, съ дикимъ взоромъ, съ умомъ ничего незначущимъ разносилъ ужасы въ южныхъ странахъ нашихъ; грозилъ опасностію Престолу и раздиралъ неблагодарною рукою нѣдра Отечества нашего. Многіе изъ частныхъ людей были имъ обруганы, другіе спаслись бѣгствомъ; но нѣсколько нещастныхъ жертвъ обагрили кровію лоно отцевъ своихъ! Наконецъ Суворовъ, скорый въ преслѣдованіяхъ, искусный въ средствахъ, щастливый въ успѣхахъ споспѣшествовалъ къ уловленію разбойника и пресѣкъ всѣ злодѣйскіе замыслы того неистоваго самозванца, коего имя достойно вѣчнаго забвенія... За смятеніемъ послѣдовалъ порядокъ, за ужасомъ спокойствіе. Сладкій миръ пролился во всѣ сердца и Россіяне вздохнули свободно.

Суворовъ, оказавъ столь знаменитыя, незабвенныя услуги своему Оте-

честву, все еще почиталъ ихъ ничтожными. Всѣ силы свои напрягалъ онъ къ содѣланію еще большаго. Все цѣнилъ онъ дорого, кромѣ трудовъ своихъ. Въ то время, какъ бы другой гордясь своими успѣхами предался опасной праздности, Суворовъ послѣ долговременныхъ трудовъ своихъ не давалъ себѣ даже и кратковременнаго успокоенія. Обезпеченный на время, отсутствіемъ Турокъ, онъ помышлялъ о средствахъ отразить будущія нападенія. Миръ не могъ усыпить бдительности сего хранителя Россіи. Онъ видѣлъ, что миръ заключенный съ Турками есть только одинъ перерывъ непріятельскихъ дѣйствій; одна только наружная тишина, во время которой приготовлялись они снова противу насъ вооружиться. На сей конецъ Суворовъ съ небольшимъ числомъ войска строилъ батареи, укрѣплялъ, мѣста и вездѣ поставлялъ сильные оплоты для оружія непріятелей. Толпы Татаръ неоднократно препятствовали занятіямъ его, неоднократно нарушали покой, царствующій на берегахъ Кубани, и Суворовъ не столько орудіемъ, сколько совѣта-

ми и кротостію усмирялъ ихъ. Наконецъ кровопролитіе сдѣлалось неизбѣжнымъ. Грубый, кочующій народъ не хотѣлъ пользоваться снисхожденіемъ и дружбою Суворова. Онъ слѣдуя стремленію страстей своихъ, произвелъ ужасныя волненія, и нарушилъ тотъ священный обѣтъ, который въ присутствіи Суворова далъ онъ на подданство Россіи. Послѣ сего многіе изъ Татаръ прибѣгли къ вѣроломнѣйшимъ поступкамъ, къ беззаконнымъ средствамъ. Звѣрская рука ихъ умертвила нѣсколько безоружныхъ Россіянъ и обратила на себя справедливое мщеніе Суворова. Повелѣлъ — и воинство его малое числомъ; но великое духомъ разсѣяло орды Татарскія. Въ окрестностяхъ Кубанскихъ раздался громъ оружія; лѣса и горы отозвались гулами. Остатки того народа, которой славился нѣкогда своею храбростію, въ оковахъ коего стенало нѣкогда Отечество наше, испытали крѣпкую мышцу Суворова. Рука Геркулеса и въ самомъ покоѣ ужасна для сопротивниковъ. Татары вспомнили тотъ нещастный день, когда Князья Россійскіе, одуше-

вленные чувствомъ свободы, устремленные противу зла, поразили славнаго Мамая, и освободились отъ тиранскихъ рукъ его. Димитрій! Ты первый отважился вооружиться противу враговъ сихъ несокрушаемымъ оружіемъ, и свергъ жестокаго похитителя нашей свободы!.. Но ты Суворовъ! востановилъ на мѣстѣ его генія хранителя, и навсегда удалилъ грознаго и опаснаго врага Россіи! Миръ и благо вамъ Героямъ знаменитымъ и вождямъ непобѣдимымъ! Ангелъ побѣды да свѣетъ прахъ съ священныхъ гробовъ вашихъ и осѣнитъ крылами своими. Вы достойны безсмертія! Благодѣянія ваши, равно какъ и великія дѣла останутся на вѣки незабвенными въ памяти потомства. Россіянинъ всегда будетъ благоговѣть предъ именами вашими!...

Послѣ пораженія Нагайцовъ думали мы о долговременномъ спокойствіи, но оно не было продолжительно.

Европа смотря завистливымъ окомъ на возвышеніе Россіи придумывала пустыя опасности и старалась против-

ихъ вооружиться; не имѣя права лично воевать съ нами, она поощряла къ тому Турокъ и совѣтовала нарушить имъ мирные договоры, данные ЕКАТЕРИНѢ. Недоброжелателямъ удалось сіе выполнить. Путешествіе Императрицы въ Крымъ, свиданіе Ея съ Іосифомъ, и нѣкоторыя приготовленія Россійско-Австрійскихъ армій встревожили Турокъ, и до того воспалили прежнюю ихъ злобу, что вся надежда къ успокоенію ихъ изчезла. Они нечаянно напали на насъ. Миръ, столь сладостный для сердецъ нашихъ отлетѣлъ на долгое время! Возшумѣла ужасная буря. Молнія не блеснула еще; но громъ ударилъ надъ Кинбурномъ. Къ щастію въ немъ находился Герой, у коего въ рукахъ всѣ стихіи брани.

Отсюда начинается знаменитѣйшая эпоха славы Суворова. Въ сей-то войнѣ показывается онъ во всемъ своемъ величіи и дѣлается непостижимъ для каждаго. Первый шагъ его былъ чудесенъ. Всѣмъ вамъ Россіяне! извѣстенъ и достопамятенъ поступокъ, учиненный Суворовымъ на косѣ Кинбурнской. Что бы

въ другомъ было непростительною ошибкою и дерзостію, то въ немъ было спасительною надеждою и предчувствіемъ къ побѣдѣ. Иной предавшись такой безпечности, погибъ бы невозвратно; но онъ приготовилъ щастіе своему оружію и бѣдствіе дерзскому врагу.

Уже непріятельскіе паруса развѣваются и несутся быстро къ Кинбурну, Суворовъ смотритъ на нихъ равнодушно; Турки ступаютъ на берегъ, Россіяне имъ не препятствуютъ; они строятся въ боевой порядокъ, наши все еще остаются въ бездѣйствіи; звукъ оружія возвѣщаетъ ужасную битву, Суворовъ внимаетъ и засыпаетъ спокойно. Вдругъ встаетъ, ополчается, гремитъ — и гдѣ приготовленія Турокъ? Одинъ ударъ — и гдѣ тысячи кичливыхъ враговъ нашихъ?. Леманъ! ты видѣлъ страшное пораженіе сіе; твои волны цѣлые полки поглощали преслѣдуемыхъ, бѣгущихъ и отчаянныхъ Турокъ—и дивились мужественному и геройскому духу Суворова!..

Слѣдующія лѣта Герой нашъ ознаменовалъ великими произшествіями. Я не

говорю о многихъ сраженіяхъ, на которыхъ приобрѣлъ онъ знаменитые, блистательные Лавры; упомяну только съ какою неустрашимостію, съ какимъ рвеніемъ дѣйствовалъ онъ при осадѣ Очакова. Презирая опасности, забывая раны, не страшась пуль, сыплющихся на него градомъ, леталъ подобно молніи повсюду и жегъ Очаковскія стѣны; и естьлибы злость, искавшая его повсюду не уязвила стрѣлами своими; естьлибы по нещастнымъ обстоятельствамъ не подвергся онъ тѣлесному изнеможенію; то скорѣе бы истребленъ былъ сей невѣрный городъ; Ужасны и тяжки были раны Суворова; но искуство врачей, а болѣе всего благодѣтельная природа, скоро ихъ изгладила и возвратила драгоцѣнное здравіе мужественному защитнику нашему. Суворовъ какъ сильный левъ, уязвленный стрѣлами востаетъ съ гнѣвомъ, собираетъ геройскія силы свои, препоясуется грознымъ мечемъ, приемлетъ прежнее воинство, идетъ на поле брани, преодолѣваетъ всѣ препятствія, соединяется съ Кобурскимъ, воодушевляетъ Австрійцевъ и показываетъ имъ путь

къ побѣдамъ! . Сразились — и воинство наше отмстило за раны храбраго Вождя своего. Австрійцы въ первой разъ восторжествовали надъ Турками, загладили память прежнихъ пораженій и благодарили Небо за соединеніе съ Суворовымъ.

За сею побѣдою при Факшанахъ, последовала еще другая, знаменитѣе первой. Турки, пораженные стыдомъ, встревоженные кипѣніемъ гнѣва, оскорбленные великими потерями, предприемлютъ всѣ возможныя средства. Умножаютъ число войскъ; подкрѣпляютъ ихъ лучшими Полководцами. Верховный Визирь самъ приемлетъ начальство надъ полками, отдаетъ повелѣнія-и идетъ на поле смерти.

Я вижу многочисленное воинство его, разположенное на высотахъ, защищаемое лѣсами, прикрываемое редутами, обороняемое страшною артиллеріею, огнь которой возвѣщаетъ неизбѣжную гибель!... Вдругъ является Суворовъ, и мое отчаяніе превращается въ сладкую надежду. Герой. непостижимый въ своихъ дарованіяхъ и таинствахъ, быстрымъ взоромъ, въ коемъ ни кто съ нимъ сравниться не можетъ, измѣряетъ все пространство, занимаемое

непріятелемъ; видитъ всѣ преимущества; соображаетъ всѣ удобности положенія; находитъ всѣ способы для осады, всѣ средства для обороны; распоряжаетъ своими и даже Австрійскими отрядами; приводитъ въ движеніе всѣ силы; отдаетъ приказанія начальникамъ; потомъ приближается, ударяетъ — и страшные Янычары, сіи крѣпкіе столпы Турецкаго воинства — колеблются. — Визирь въ срединѣ опасности. Именемъ Аллы, именемъ Алкорана заклинаетъ онъ бѣгущихъ Чалмоносцевъ — Но ни Вѣра, ни Законъ не укрѣпили ихъ. Они не могутъ стоять противу воинства, вооруженнаго мужествомъ; противу сердецъ, соединенныхъ дружбою. Смертоносные громы и разительные удары оружія нашего, сокрушаютъ ихъ повсюду. Лѣса, сіи безопасныя убѣжища робости, — не укрываютъ ее. Рымникъ, послѣднее спасеніе бѣгущихъ, — дѣлается ихъ могилою. Все гибнетъ, кромѣ трофеевъ Побѣдителей. Главный Предводитель съ малѣйшимъ остаткомъ Турокъ едва избѣгъ постыднаго плѣна, дабы принесть печаль въ стѣны Константинополя. Гласъ радости

отозвался въ окрестностяхъ и въ сердцахъ Побѣдителей. Суворовъ и Кобурскій объемлются въ восторгѣ и дают чувствовать всю цѣну побѣды. Побѣда сія была великолѣпна. Она двѣ Короны покрыла громкою славой; двумъ народамъ принесла торжество и величіе. Россія подобно древнему Риму украсилась именемъ *Рымникскаго*. Суворовъ обновилъ въ себѣ прежнихъ Африканскихъ и Азіатскихъ Сципіоновъ! ...

Быстрые успѣхи оружія нашего воспалили сильныя страсти въ противникахъ и увеличили опасность Россіи. Порта, въ ужасѣ пораженія, хотя соглашалась на мирные переговоры; но честолюбіе и зависть Пруссій и Англій всѣми силами препятствовали онымъ. Обѣ онѣ ободряли унылыхъ Турокъ. Обѣ обѣщались вспомоществовать имъ. Польша также обнаружила скрытную злость свою и заключила союзъ съ Турціей. Фридрихъ Вильгельмъ споспѣшествовалъ союзу сему, собиралъ войска, и хотѣлъ помогать Полякамъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Легковѣрные, положась на слова

Вильгельма, забыли прежній страхъ свой, волновались, составляли новые войска, оскорбляли Россіянъ и затрудняли побѣды наши въ Турціи. Въ сіе же самое время Австрійцы, Союзники наши, насъ оставили. Леопольдъ, достойный Преемникъ Іосифа, любимца ЕКАТЕРИНЫ, устрашенный приближеніемъ Прускихъ войскъ, отъ завоеваній въ Турціи обратился къ защищенію Богеміи Кобурскій былъ отозванъ И Суворовъ растался съ вѣрнымъ другомъ и участникомъ въ его славѣ Потеря сія была чувствительна; но за то она болѣе увеличила славу Россіи и Героя Суворова.

Порта, обезпеченная со стороны Германіи, всѣ силы свои устремила противу войскъ нашихъ. Напротивъ того, наши силы дѣлились отвсюду. Швеція, Пруссія Англія, Польша, словомъ, почти вся Европа противу насъ востала. Но Россія, какъ величественный Колоссъ стояла неколебимо, презирала всѣ опасности, и всѣмъ хитрымъ замысламъ противопоставила твердый, несокрушаемый щитъ - Суворова. Сей чудесный Герой однимъ взятіемъ Измаила обезоружилъ всѣхъ вра-

говъ нашихъ; въ одну минуту ниспровергъ всѣ хитрыя сплетѣнія Европы. Пламенникъ раздора, воспаленный завистію исторгнутъ изъ рукъ ея.

Почто не могу я возвысить моего гласа, чтобъ услышала вся вселенная о семъ чудесномъ и быстромъ подвигѣ Суворова! Почто не имѣю пера тѣхъ краснорѣчивыхъ Ораторовъ, которые живутъ вмѣстѣ съ Троянами и Тюренями, дабы начертать картину дѣлъ Суворовыхъ, при взятіи Измаила. Почто? — Но горе тому, кто представляя, подвиги Суворова и его Споспѣшниковъ, думаетъ о ничтожномъ краснорѣчіи! Они сильны поразить вниманіе каждаго и удивить самое исполинское, все возможнымъ представляющее воображеніе. И такъ, я не буду увеличивать того, чего увеличить болѣе не возможно; но предложу самымъ простымъ, историческимъ слогомъ, не скажу всѣ, (ибо онѣ безчисленны), но только главныя произшествія, учиненныя Суворовымъ подъ Измаиломъ....

Россійскія войска послѣ тщетныхъ покушеній оставляли уже стѣны Измаи-

ла. Крѣпкія забрала, высокіе валы, глубокіе рвы, ужасная артиллерія, время, обстоятельства, словомъ, все противорѣчило щастію нашего оружія. Все казалось, подвергало славу нашу величайшимъ опасностямъ. — Ужасная бездна разверста была подъ стѣнами Измаила и готовилась пожрать непобѣдимые полки наши. Тысячи препятствій представлялись глазамъ каждаго. Пришелъ Суворовъ — и все изчезло въ очахъ Его! Острый умъ ручается за щастіе Россіянъ. Онъ изобрѣтаетъ средства, торжествующія надъ всѣми препятствіями. Во мракѣ ночи питается его дѣятельность и прозорливость, для которой Аргусовы глаза будутъ только слабымъ подобіемъ. Нѣсколько дней сряду приготовлялъ онъ своихъ воиновъ, строилъ батареи, обучалъ различнымъ приемамъ, употребляемымъ на приступахъ; тайно испытывалъ намѣренія врага; наблюдалъ каждый шагъ, даже каждую мысль его.. Россіяне готовы были ко взятію крѣпости; но Вождь ихъ, одаренный чувствіемъ праведника и чуждый жестокости, неоднократно требовалъ здачи Измаила.

Гордый начальникъ не принялъ предложеній — и Суворовъ исполняетъ долгъ свой. Созываетъ войско; говоритъ рѣчь - и могло ль патріотическое сердце Россійскаго воина быть не чувствительно, къ сильному, убѣдительному, трогательному гласу, обожаемаго ими Полководца?.. Ни какой магической жезлъ не подѣйствовалъ бы такъ сильно на полки Россійскіе, какъ подѣйствовали слова его.. Всѣ воспылали духомъ Героизма. Страсть къ славѣ, побѣдила, сильную страсть боязни. Каждый готовъ былъ стремиться противу всѣхъ опасностей. Безчисленныя препятствія, уже болѣе не останавливаютъ воиновъ. Пылкая кровь быстро течетъ по ихъ жиламъ. Мужественное сердце бьется отъ нетерпѣнія. Какъ медленно текла для нихъ та ночь, которая долженствовала рѣшить ихъ судьбу! Каждый бой часа, усугублялъ ихъ рвеніе; каждый отвѣтъ и выстрѣлъ непріятеля разгорячалъ, усиливалъ гнѣвъ ихъ. Наконецъ настала желанная минута! Данъ знакъ — и Россіяне съ быстротою молній понеслись подъ стѣны Измаила. Острымъ штыкамъ, пушечнымъ

ядрамъ, картечнымъ ударамъ, ревущимъ бомбамъ, противопоставили они каменную грудь свою — и она выдержала, отразила всѣ жестокости и громы, на нее устремленные. Глубокій ровъ, зіяющая бездна (*), разъяренная смерть, могли ли устрашить, могли ли остановить мужественныхъ, быстротечныхъ нашихъ ратниковъ? Истинные Герои и Посланники Суворова превозмогли всѣ ужасы смерти, и на орлихъ крыліяхъ взлетѣли на высокія стѣны Измаила! Два часа — и гдѣ непреоборимыя твердыни и столѣтнія укрѣпленія невѣрныхъ?... Онѣ пали предъ взоромъ вѣрнаго Вождя ЕКАТЕРИНЫ и Защитника Россійской Христовой Церкви, такъ какъ и стѣны Іерихона пали нѣкогда предъ Іисусомъ Навинымъ! Утренняя заря освѣтила развалины ихъ; но густый туманъ все еще носился надъ городомъ и не позволялъ, кажется, видѣть гибельныхъ слѣдствій, сопротивляющимся непріятелямъ. (**)

(*) Рвы и пропасти, изрытые подъ стѣнами Измаила.

(**) Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ день до девяти

Лишась крѣпкихъ опоръ, видя знамена Россійскія, развѣвающіяся надъ стѣнами крѣпости, не имѣя надежды быть побѣдителями, безумные жители Измаила дерзаютъ противиться. Каждый домъ защищается съ отчаяніемъ: каждый Чалмоносецъ дерется съ ожесточеніемъ: тысячи рукъ, сокрытыхъ въ неизвѣстности пускаютъ ядовитыя стрѣлы и сражаютъ храбрыхъ, противу всѣхъ золъ стремящихся Россіянъ! Многочисленныя толпы бѣгутъ по площадямъ и улицамъ, въ безуміи своемъ бросаясь на небольшіе отряды войскъ нашихъ, падаютъ бездыханны.

Неистовое Суевѣріе до того ожесточило сердца грубыхъ Турокъ, что слабые старики, безсильныя женщины, незлобивыя дѣти, дышали яростію, вонзали кинжалы въ воиновъ нашихъ и нечаянно умерщвляли ихъ. Тогда—то Суворовъ блеснулъ мечемъ истребленія и всѣ устремились на отчаянныхъ сопротивниковъ.—

часовѣ утра продолжалась темнота и туманѣ, хотя прежнія ночи были и свѣтлы. Жизни Сув. стр. 152 томѣ 2.

Смерть шествуетъ по стопамъ ихъ. Ничто не можетъ противиться раздраженному Герою и вѣрнымъ, пламеннымъ его воинамъ. Свинцовой градъ и острые штыки истребляютъ сгущенные толпы и многочисленные строи; трупы убитыхъ возвысились грудами. Самъ Сераскиръ не избѣгъ справедливаго мщенія. Злобные жители Измаила падаютъ и тонутъ въ крови своей; Россіяне утверждаются, и Суворовъ — Побѣдитель!

О Вождь непобѣдимый! и Вы храбрые Сподвижники его! Естьли нѣтъ уже Васъ на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, позволите приступить мнѣ къ безсмертному праху вашему, и принести сердечную дань благодарности отъ всея Россіи за такой исполинскій и рѣшительный шагъ вашъ!. Вы однимъ замахомъ меча ссѣкли всѣ главы у злобной гидры — Ненависти. Пламень раздора потухнулъ въ груди ея. Рука Суворова въ одну минуту расторгла тотъ узелъ, которой нѣсколько лѣтъ сплетала хитрая политика Пруссій и Англій. Все приняло новый Видъ. Фридрихъ Вильгелмъ и другіе споспѣшники оружія Турецкаго умоляли

ЕКАТЕРИНУ о пресѣченіи войны сей. Ибо Суворовъ разрушилъ всѣ противу насъ планы ихъ.

ИМПЕРАТРИЦА, одаренная чувствіемъ кротости склонилась на ихъ прозьбы. Даровала миръ Портѣ въ то время, когда она не смѣла даже и мечтать объ немъ. Какая радость для отчаянныхъ Турокъ! Одной ЕКАТЕРИНѢ свойственъ такой благороднѣйшій поступокъ! Всѣ дивились Ея снисхожденію. Кто бы подумалъ остановить свои завоеванія тогда, когда можно было выгнать Магометанъ изъ Европы, взять Константинополь и все, чего только честолюбіе желать можетъ? ЕКАТЕРИНА могла только отвергать милліоны и довольствоваться славою Побѣдительницы. Очаковъ и земли, лежащія между Днѣстромъ и Бугомъ были единственнымъ возмездіемъ для насъ, и наказаніемъ для Турокъ. Какая несоразмѣрность съ оскорбленіями, причиненными намъ войною несправедливой! Какое великодушіе! Какая умѣренность въ пріобрѣтеніи!

Гордые Завоеватели! Вы, которые хотите завладѣть цѣлымъ свѣтомъ — вспом-

ните сей поступокъ ЕКАТЕРИНЫ — и умѣрьте гнусную страсть свою! — Одинъ сей случай свидѣтельствуетъ, сколько Россіяне умѣютъ щадить враговъ своихъ и прощать вины преступникамъ вѣроломнымъ! Послѣ сего можетъ ли кто сомнѣваться въ искренности нашей? Кто осмѣлится сказать, что мы виновны въ пролитіи той крови, о которой бѣдное человѣчество никогда воздыхать не перестанетъ? Турки! Вы сами всему виною, и должны были погибнуть за свое легковѣріе и жестокость; но особенное человѣколюбіе Монархини спасло васъ! и вы, все еще неблагодарны къ Россіянамъ!..

Наконецъ послѣ долговременной войны и страшныхъ кровопролитій отдыхаютъ Герои наши. Миръ, бывшій предметомъ желаній ЕКАТЕРИНЫ, принесенъ къ намъ на крыліяхъ Орловъ Россійскихъ.

Радость наша украсилась пріятнымъ удивленіемъ къ Героямъ. При всѣхъ перемѣнахъ щастія Слава никогда имъ не измѣняла. Они заслужили имена *Непобѣдимыхъ* и разнесли ужасы во всѣ концы

Европы; укротили многочисленныхъ враговъ, отвратили грозныя бури, свирѣпствовавшія во кругъ Россіи.

Она въ полномъ блескѣ величія и силы, спокойная внутри, безопасная отвсюду, уважаемая сосѣдственными Державами ею равно уважаемыми, вступаетъ торжественно со всѣми въ миръ, и величество ея занимаетъ первое мѣсто между всѣми Державами въ свѣтѣ.!

И такъ четыре года войны не пропали для ревностнаго Защитника Отечества,—Героя Суворова. Онъ наслѣдуетъ плоды трудовъ своихъ. Сколько пожалъ онъ блистательнѣйшихъ Лавровъ? Сколько разъ торжествовалъ надъ непріятелемъ? я - не могу изчислить! Каждый шагъ его, былъ шагъ исполинскій.—Каждое нападеніе - побѣда. Чѣмъ болѣе онъ сражался; тѣмъ болѣе увеличивалъ могущество Престола и славу Россіянъ. Рука его осыпала насъ добромъ и богатствами.—Естьли не распространили мы, едва не безпредѣльныхъ владѣній нашихъ; естьли не умножили Государственныхъ сокровищъ: то пріобрѣли другія выгоды, столькоже же существенныя для благосостоянія народа, какъ и

все то, что поражаетъ зрѣніе черни. Честь, слава оружія, могущество Монарховъ, довѣренность Дворовъ, въ глазахъ просвѣщеннаго политика, не выше ли всего должны быть цѣнимы для того Государства, которое жителями, обширностію земель, драгоцѣнными металлами и другими потребностями, чувствительно всѣхъ превосходитъ? — Но какой же народъ, кромѣ Россіянъ, болѣе могъ хвалиться сими нравственными достоинствами въ концѣ Восмагонадесять Столѣтія? Не вся ли Европа смирилась предъ величествомъ Россіянъ? Не всѣ ли завидовали щастію нашему, но не смѣли прекословить справедливымъ требованіямъ ЕКАТЕРИНЫ?

Справедливымъ! конечно.... Ибо всѣ Ея вооруженія были единственною защитой Россіи и спокойствіемъ для Европы— Всѣ уставы-благоденствіемъ народовъ! Не для похищеній, не для раздѣловъ Она воевала. Не гордыя намѣренія, не личныя выгоды; но одна Справедливость къ тому принуждала Ея. *Человѣколюбіе* и *Правда*: Вотъ кумиры, которыхъ обожало сердце ЕКАТЕРИНЫ! и естьли бы Польша, кото-

рой Она покровительствовала, не отвергла со злобою спасительной руки Ея; — естьли бы приняла мудрые совѣты Монархини; естьли-бъ не испровергла древнихъ уставовъ своихъ, естьли-бъ не возстановила узаконенія, вреднаго для нея самой и для спокойствія Европы; то она не подверглась бы тому раздѣлу, которой выключилъ имя ея изъ списка народовъ. Она и теперь была бы республикою; и теперь наслаждалась бы политическимъ бытіемъ своимъ. Подъ Эгидою величія Россіи могла бы исправить свои постановленія, утвердить внутреннее спокойствіе и возвратить, можетъ быть, все потерянное! Моглабы.. — Но-видно не такъ было начертано въ книгѣ Судебъ Народныхъ! По тайному опредѣленію рока, Польша сама быстро стремилась къ конечной гибели..

Безпокойные умы, желащіе вредить и ненавидѣть возмущали народъ, и въ пылкихъ головахъ Поляковъ возобновили ложныя мечты. Они забывъ настоящій страхъ и слабость, возвратились къ памяти временъ протекшихъ. Вспомнили, что могущественная рука ихъ налагала

нѣкогда дань на Прусаковъ; освобождала Австрію и Вѣну отъ Турокъ и похищала лучшія владѣнія у Россіянъ. Но забыли, что все, кромѣ народнаго духа во кругъ ихъ перемѣнилось; народы повсюду приобрѣли болѣе свободы, а Цари болѣе могущества и власти. Сіе то забвеніе, сія страсть ослѣпила и невозвратно погубила Поляковъ. Они возмечтали сокрушить величественный Колоссъ Россіи и воскресить умершую славу свою. Собрали войска, отлучили отъ дѣлъ нашего Министра, не признали достоинства ЕКАТЕРИНИНОЙ власти, уничтожили дѣйствіе поручительства, словомъ, все отвергнули-и послѣ сихъ смѣлыхъ поступковъ подняли опять знамя бунта!.. Тщетно Король и нѣкоторые изъ дворянъ, умѣющихъ обуздывать страсть свою убѣждали согражданъ своихъ; тщетно представляли имъ выгоды своего отечества. Изувѣрство ни чему не внемлетъ! Подъ предводительствомъ Костюшки толпы мятежниковъ уже сражались съ Россійскими войсками, находящимися въ областяхъ ихъ. — Упорство, иступленіе и отчаяніе одержали верьхъ надъ Королемъ Прусскимъ. Онъ удаляется изъ ихъ владѣ-

ній. Костюшко видя отступленіе, торжествуетъ. Сей успѣхъ возгордилъ его и болѣе оживилъ мечтательныя надежды и духъ народа. Число мятежниковъ умножается. Составляются новыя войска, двигаются противу Россіянъ, и симъ послѣднимъ дѣйствіемъ мечтаютъ возстановить прежнее могущество. Поляки, одушевленные храбростію вождя своего, думаютъ, что не найдутъ себѣ сопротивника. Но сколь велико было ихъ заблужденіе! Конечно забыли они прежняго ихъ разителя. Въ то самое время, когда мечтали они быть побѣдителями, когда спѣшили такъ, какъ и Французскіе Революціонисты утвердить *пагубную вольность*. ЕКАТЕРИНА рѣшилась совсѣмъ ее ниспровергнуть. Повелѣла — и Герой, посѣдѣвшій во браняхъ, снова беретъ несокрушаемый щитъ свой, препоясуется грознымъ мечемъ и подобно грозному Божеству идетъ наказать преступниковъ. — Гибель ихъ съ каждымъ днемъ умножалась. Каждый шагъ, каждый ударъ воинства нашего былъ пораженіемъ для сопротивниковъ. Суворовъ какъ небесный Перунъ разитъ, истребляетъ, очи-

щяетъ себѣ путь къ Прагѣ... Возможно ли, чтобъ сія крѣпость, сей вѣроломный народъ, всегдашній нарушитель Законовъ, могъ устоять предъ лицемъ Суворова, страшнаго побѣдителя Измаила и вѣрнаго исполнителя велѣній Монаршихъ? Возможно ли, чтобъ тотъ, коему Геній войны, или самъ Богъ въ лицѣ ЕКАТЕРИНЫ вручилъ карательный мечь, не могъ обезоружить тѣхъ, которые самовластно вооружились?... Всѣ были увѣрены въ чудесной, творческой силѣ Суворова — и не обманулись — Онъ рекъ: и смертоносные громы полетѣли изъ рукъ непобѣдимаго воинства — ударили въ стѣны Праги - и она рушится, падетъ. Огнь и мечь истребляетъ все сопротивляющееся.... Варшава содрогается; жители ея ужаснулись острыхъ штыковъ и все-пожирающей молніи оружія Россійскаго. Всѣ опомнились. — Мужество Суворова восторжествовало надъ Поляками, сколько ни было велико ихъ изступленіе; ни кто не смѣетъ противиться всемогущему вождю сему. Онъ принимаетъ ключи Варшавы изъ рукъ Депутатовъ. Врата отверзаются и Побѣдитель торже-

ственно въѣжжаетъ въ оныя. Знамена ЕКАТЕРИНЫ снова осѣнили Варшаву. Громъ музыки раздается въ стѣнахъ ея. Радостный крикъ народа вторится повсюду: *Да здравствуетъ ЕКАТЕРИНА, да здравствуетъ Суворовъ!*.

Никогда, никогда не изгладится въ душѣ Россіянъ сія величественная и вмѣстѣ трогательная картина!—Облеченный въ торжество тріумфа, безъ всякихъ знаковъ, съ пернатымъ на главѣ шлемомъ, на гордомъ конѣ, Суворовъ медленно шествуетъ по городу. Рукоплещущій народъ летитъ къ нему на встрѣчу. Старики, дѣти, свободные, плѣнники, богатые, бѣдные, всѣ стремятся изъ домовъ своихъ, умножаются толпами, тѣснятся, всѣ хотятъ узрѣть знаменитаго Героя - и сіе желаніе колеблетъ ихъ, какъ буря величественное море. Народъ, въ побѣдителѣ находитъ спасителя, осыпаетъ его благодарностями; нещастные страдальцы лобызаютъ стопы его. Великодушный Герой объемлетъ прежнихъ враговъ своихъ и забываетъ всѣ ихъ оскорбленія! —

Но сіе зрѣлище уступаетъ еще другому, гораздо разительнѣйшему... Суворовъ,

сей ревностный защитникъ Вѣры и отечества, окруженный свитою и многочисленностію народа, приближается ко храму, и вдругъ повергается на колѣна предъ Величествомъ Всемогущаго. Съ растроганнымъ сердцемъ и истиннымъ чувствіемъ благоговѣнія благодаритъ Его за одержанныя побѣды. Ни гдѣ столько не обнаруживалось добродѣтельное сердце Героя, какъ при семъ поклоненіи Всевышнему. Душа его истекла, такъ сказать, съ его молитвою. Пламенное усердіе Суворова къ Творцу всѣ сердца зрителей наполнило подобными чувствованіями. Тысячи рукъ подъемлются къ небу и молятъ о здравіи побѣдителя. Тысячи нещастныхъ отираютъ слезы и благодарятъ своего спасителя.... — Суворовъ! — Самъ Богъ съ веселіемъ взираетъ на твои побѣды. Онъ любитъ тебя какъ избавителя народовъ, возстановителя порядка, обожателя Вѣры и защитника Законовъ! Онъ употребилъ тебя оружіемъ, далъ тебѣ въ помощники Ангела истребителя: *да усмирится земля Польская!..*

Сія страна со времени избранія Королей была жертвою мятежниковъ и

опаснѣйшимъ врагомъ Россіи. Долго стенала она подъ тяжкимъ угнѣтеніемъ несогласныхъ Вельможъ своихъ; долго раздирали нѣдра ея собственные сыны свои; долго ужасъ господствовалъ по всѣмъ областямъ Польши. Наконецъ — насталъ послѣдній часъ ея!.. Ангелъ смерти дунулъ надъ разстроившимся трупомъ республики — и она упадаетъ въ прахъ ничтожества!.. Истинная слава возсѣла на развалинахъ безумнаго честолюбія.... Суворовъ повинуясь Монархинѣ, смирилъ Польшу. — ЕКАТЕРИНА исполняя волю Небесъ изгладила слѣды ея...

Волю Небесъ — конечно.. Ибо льзя ли думать, что сіе было дѣло рукъ человѣческихъ? Не самъ ли Богъ дѣйствовалъ въ образѣ ЕКАТЕРИНЫ и споспѣшника ея Суворова? И кто можетъ побѣдить безъ воли Его?.. Такъ! Онъ повѣрилъ Ей вѣсы справедливости и судьбу народовъ! Европа съ благоговѣніемъ внимала премудрымъ уставамъ Ея. Одинъ почеркъ пера рѣшилъ участь Польши. Всѣ какъ Божественному гласу повиновались словамъ Ея. Иначе — Суворовъ,

сей самимъ Небомъ Монархинѣ врученный Перунъ, былъ ужасенъ противникамъ! Польша смирилась—и грозный посланникъ ЕКАТЕРИНЫ—умолкнулъ. Онъ подобно благотворному дождю оживилъ присутствіемъ своимъ, опустошенную Варшаву. Цѣлый годъ столица сія зрѣла страшнаго усмирителя своихъ мятежниковъ. Цѣлый годъ стекались въ нее знаменитые чужеземцы, дабы видѣть Россійскаго Марса, владыку войскъ, побѣдителя и вмѣстѣ благотворителя народовъ. Отсюда — то Россійскіе Орлы лѣтали еще во всѣ стороны Польши, постигали бѣгущихъ и возвращались назадъ съ побѣдами къ своему повелителю. Сюда-то три Вѣнценосца посылали Суворову милостивые рескрипты. Здѣсь-то осыпали они знаменитыми отличіями общаго своего любимца. Въ Варшавѣ Суворовъ принялъ Фельдмаршальскій жезлъ отъ руки Монархини и обширныя владѣнія въ награду неусыпныхъ, безпримѣрныхъ трудовъ своихъ.

Новыя почести и награды налагали на Суворова новыя обязанности и дол-

жности. Не смотря на не выгодную часть года, (*) не щадя здоровья, оставляетъ онъ на время Варшаву; съ непонятною скоростію объѣзжаетъ ввѣренныя ему непобѣдимыя войска Россійскія. Всѣ полки въ присутствіи Фельдмаршала съ удивительнымъ искусствомъ, съ отличнымъ блескомъ дѣлали военныя движенія и заслужили лестное одобреніе своего Начальника. Они достойны были вождя Великаго; Онъ достоинъ былъ Полковъ *Непобѣдимыхъ*! Генералы — ознаменовали себя усердіемъ къ Отечеству, неутомимою дѣятельностію, воинскимъ разумомъ, проницательностію. Офицеры — славились храбростію, благородствомъ души, пылкостію сердца. Простые ратники отличались, повиновеніемъ, мужествомъ, блескомъ оружія, величественною осанкою, строеніемъ тѣла, живостію, быстротою взоровъ.. Кто не восхищается смотря на такія войска? Кто не утѣшается безопасностію и величіемъ своего отечества? Какъ же сладостно, какъ пріятно должно быть

(*) Осенью.

для сердца Суворова, когда смотрѣлъ онъ на то, чего былъ виновникомъ! Какой учитель не чувствуетъ радости, взиря на совершенство учениковъ своихъ? Но что всего восхитительнѣе для души каждаго предводителя войскъ: читать во взорахъ каждаго ратника - сыновнюю любовь; въ сердцахъ, - всегдашнюю вѣрность, пламенное усердіе; изъ устъ - внимать благословенія и непритворныя поздравленія. Суворовъ наслаждался сею радостію и плакалъ отъ умиленія! Съ принужденіемъ, съ соболѣзнованіемъ разстался онъ съ сими дѣтьми своими и возвратился въ Варшаву.

После сего въ скорости оставляетъ онъ Столицу сію. Покрытый безсмертною славою, осыпанный знаменитыми почестями, сопровождаемый многочисленными толпами, возвращается въ свое отечество. Быстрая молва изъ города въ городъ, изъ страны въ страну несетъ имя великаго Героя; но Суворовъ скрываетъ свое величіе и отзывается отъ всѣхъ почестей, оказываемыхъ ему на пути. Подъ мрачнымъ покровомъ ночи вступаетъ онъ въ градъ Св. Петра,

приближается къ величественнымъ чертогамъ ЕКАТЕРИНЫ, повергается къ стопамъ Ея и удостоивается лобызать Помазанныя руки Монархини. Таврическій дворецъ назначается упокоеніемъ для сего ревностнаго защитника Россіи..

Суворовъ снова является въ нашей знаменитой Столицѣ и взоры всего народа съ жадностію обращаются на побѣдителя Польши! Каждый Россіянинъ смотря на престарѣлаго, мужественнаго, знаменитыми отличіями украшенаго Фельдмаршала, гордится имъ, какъ своимъ согражданиномъ. Каждый чужеземецъ, видя его дивится, какъ Завоевателю. Какое — то особенное чувствіе возбуждаетъ онъ въ сердцѣ всякаго. Всѣ торжествуютъ и рукоплещутъ побѣдамъ Суворова. Градъ Св. Петра, кажется, обновился съ его прибытіемъ. Блистательный Престолъ ЕКАТЕРИНЫ, которой большую часть лучей своихъ заимствовалъ отъ дѣлъ Суворовыхъ, которой опирался на него, какъ на твердый, непоколебимый столпъ, въ присутствіи сего Героя, кажется, возсіялъ еще свѣтлѣе и

величественнѣе. Дворъ и все знаменитое Сословіе оживлялось бесѣдою Суворова. Оно его только видѣло, объ немъ только слышало въ благородномъ кругу своемъ. Всѣ съ живѣйшимъ удовольствіемъ говорили о его побѣдахъ. Ибо слава Суворова, была славою всего Россійскаго Дворянства. Его именемъ оно какъ будто бы болѣе превознеслось. Радость Россіянъ украсилась еще пріятнѣйшимъ зрѣлищемъ. Уже непобѣдимыя войска наши возвращаются въ отечество наслаждаться изліяніями благодарности. Всѣ встрѣчаютъ ихъ со слезами радости и сердечнымъ расположеніемъ. Престарѣлые отцы, чувствительныя матери, младыя дѣти, нѣжные супруги, сострадательныя сестры бросаются въ объятія прославившихся Героевъ и въ восторгѣ сердечнаго упоенія, лобзаютъ другъ друга. Никогда не казалась имъ столь сладостною жизнь, какъ въ сію щастливую минуту! Отъ сильнаго волненія въ крови и чрезмѣрной радости слезы катятся изъ глазъ ихъ. Они отираютъ оныя и вкушаютъ въ полной мѣрѣ блаженство и удовольствіе семейственной жизни.

Россія веселится щастіемъ дѣтей своихъ: безпокойство изчезнетъ въ глазахъ ея: Она взираетъ на всѣ войска свои съ улыбкою привѣтливой благодарности, и опираясь на побѣдоносную главу Суворова, вѣщаетъ къ нему:„

„Великодушный и ревностный сынъ! „Едва получилъ ты жизнь отъ руки моей, „я прочитала свое щастіе въ юныхъ глазахъ твоихъ; съ твоими лѣтами возрастала радость моя: ибо ты съ ревностію исполнялъ долгъ сына; ты ни „когда не измѣнялъ надеждѣ моей, и я „всегда была къ тебѣ признательна. Но „теперь ты превзошелъ всякую благодарность мою. Скажи? Чѣмъ, чѣмъ, „мнѣ воздать тебѣ за то, что навсегда „отвратилъ тѣ грозныя бури и нещастія, которыя свирѣпствовали нѣкогда „надъ колыбелію моею, безпокоили младенчество и терзали слабые члены твоей матери?.. Скажи!.. Но нѣтъ? я ничѣмъ не могу возблагодарить тебя, „кромѣ любви своей!... И такъ склони „Лаврами увѣнчанное чело на лоно, утѣшенной тобою матери и успокойся

„послѣ тягостныхъ трудовъ своихъ! За-
„будь ужасныя воспоминанія войны. Отны-
„нѣ нѣжная любовь наша да проститъ
„тѣмъ злощастнымъ, которые желали
„намъ вредить и прерывать сладостныя
„удовольствія наши. — Отнынѣ пребу-
„детъ ты первѣйшимъ сыномъ моимъ —
„и естли я не могу воздать достой-
„ной мзды за заслуги твои; то *Богъ и*
„*Правда* наградятъ тебя и примутъ
„въ нѣдро своего безсмертія„!...

Безсмертія! повторилъ Суворовъ во глубинѣ души своей. Симъ обѣтомъ Россія почтила его достоинства и воскресила въ немъ почти умирающую уже страсть ко славѣ. Новый огнь воспламеняется въ сердцѣ престарѣлаго Героя; глаза его исполняются живости; со гнѣвомъ обращается онъ къ Югу; страшная броня гремитъ во кругъ его, Герой уклоняется нѣсколько впередъ и кажется, грозитъ мечемъ своимъ владычеству неистовой свободы, гдѣ пылкіе Революціонисты утѣсняли невинныхъ и своимъ оружіемъ устрашали безсиліе Но повинуясь кроткому гласу Россіи, влагаетъ мечь въ нож-

ны свои; — онъ сотрясается при бедрѣ его, желая всегда только блистать въ могущественной десницѣ. Суворовъ — опирается на копье, и шумящая броня во кругъ его умолкаетъ....

Послѣ побѣдъ толико громкихъ въ мірѣ теперь представляется мнѣ знаменитая и мирная эпоха, когда ЕКАТЕРИНА всѣ матернія попеченія обратила на щастіе своихъ подданныхъ; когда Министры, вдохновенные Ея мудростію, занимались благоустройствомъ внутреннихъ предметовъ; политики — выполненіемъ предначертаній, предполагаемыхъ Правительствомъ; когда утѣшительныя, миролюбивыя науки и искуства безпрепятственно стремились къ высочайшимъ умозрѣніямъ; когда земледѣліе, мануфактуры и промышленность оживляли всѣ члены общественнаго тѣла; словомъ, когда все быстро текло къ цѣли нравственнаго совершенства, верховнаго блага. Россіяне! я говорю о послѣднихъ годахъ царствованія ЕКАТЕРИНЫ.

Вы помните и со слезами радости говорите о сихъ спокойныхъ и щастливыхъ

дняхъ вашей жизни! Но-сколь онѣ были кратковременны! Смерть чадолюбивой и Мудрой Матери Отечества возмутила щастіе дѣтей своихъ. Въ столицахъ, въ малыхъ городахъ и окружныхъ селеніяхъ, даже въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ нашего Государства проливали горестныя слезы, о толь скорой кончинѣ чадолюбивой Монархини. Ибо гласъ ея слышанъ былъ во всѣхъ концахъ Россіи. Ея благодѣянія начертаны были, не говорю, на сердцѣ каждаго, но и на бездушныхъ предметахъ, до коихъ коснулось живительное и благотворное Ея око. Мудрыя постановленія Законовъ, человѣколюбивыя заведенія, какъ то: Воспитательные домы, Гошпитали, Корпуса, Университеты, Институты и училища, разсѣянныя во всѣхъ мѣстахъ столь обширнаго Государства нашего, могутъ быть почтены языкомъ, возвѣщающимъ всѣмъ бытіе Великой Монархини въ Россіи.. —

ЕКАТЕРИНА не имѣетъ нужды въ изваяніяхъ, подверженныхъ власти рушительнаго времени. Россія — вотъ безсмертная возвѣстительница Ея памяти! Сокру-

шатся мѣдныя пирамиды, падутъ гордые дубы, самыя кремнистыя горы разрушатся, все премѣнится въ природѣ: но слава ЕКАТЕРИНЫ останется не измѣнна. Доколѣ солнце будетъ течи и свершать величественно круги свои; доколѣ лучи его міръ сей освѣщать не престанутъ; доколѣ Россъ станетъ дышать и наслаждаться симъ свѣтомъ; доколѣ языкъ его двигаться не престанетъ: дотолѣ не умолкнетъ слáва Россійскихъ Монарховъ и Ихъ Героевъ.

Свѣтила небесъ! естьли и вы должны нѣкогда изчезнуть; естьли и ваше сіяніе временно: то Великіе люди переживутъ лучи ваши!...

Россіяне! Богъ особенно печется о вашемъ щастіи: благая воля Его всегда посылаетъ вамъ премудрыхъ Государей. Лишась Матери Отечества, вы нашли Отца въ достойномъ Ея сынѣ. ПАВЕЛЪ Первый едва принялъ державный Скиптръ Россіи, Его премудрость отозвалась во всѣхъ частяхъ міра. При самомъ началѣ изъявилъ Онъ рѣдкую дѣятельность и

устремился ко всему Изящному и Великому, ко всему полезному и справедливому. Онъ взглянулъ на Европу, и однимъ взоромъ объялъ владычіе добра и владычіе зла. Онъ сказалъ: Отнынѣ справедливое и полезное должно быть мѣрою славы, и мнѣніе общественное презритъ всѣ хитрости Махіавелизма. ПАВЕЛЪ желалъ, чтобъ народы, утомленные кровопролитными сраженіями, и послѣ увѣренные опытомъ въ сихъ пагубныхъ заблужденіяхъ, безпристрастно внимали гласу здраваго разсудка, любили другъ друга и братски обнимались между собою. Хотѣлъ, чтобъ щастіе наше было щастіемъ другихъ Державъ; желалъ мѣняться дружествомъ, открытіями и различными произведеніями. Онъ думалъ удалить всѣ препятствія и оживить взаимное сообщеніе въ такое время, когда прежняя ненависть, основанная на различіи нравовъ и богослуженія, уступила мѣсто всеобщей терпимости вѣръ; когда общественные успѣхи сближая народы, сблизили, такъ сказать, и ихъ нравы. Но видно навсегда изчезли златыя надежды *всеобщаго согласія!* —

Осмыйнадесять вѣкъ стоя при вратахъ вѣчности, убѣленный сѣдинами, исполненный многочисленныхъ опытовъ, не могъ убѣдить, не могъ уничтожить гнусныхъ страстей въ сердцахъ, занятыхъ пустою и ложною философіей. Доколѣ человѣкъ пребудетъ человѣкомъ; доколѣ будетъ облеченъ въ сіе бреніе-тѣло: дотолѣ видно страсти будутъ владычествовать надъ разумомъ; дотолѣ не должно видно ожидать всемирнаго братства. Человѣческій родъ всегда былъ и будетъ жертвою раздора. Сѣмена зависти разбросаны повсюду; онѣ кроются въ сердцѣ каждаго человѣка. Но въ сердцѣ добромъ не столько онѣ пагубны. Человѣколюбіе и мудрость всегда стараются подавить ихъ, боясь, что бы не произрастить плода, столь гибельнаго для человѣчества. Человѣкъ, знающій истинную цѣну добра, на зло рѣшится не прежде, какъ видитъ уже, что зло сіе въ послѣдствіи можетъ быть собственнымъ его и благомъ ближняго: но въ сердцѣ развращенномъ, въ сердцѣ пылкомъ и жестокомъ онѣ ужасны, и производятъ дѣйствія, всегда гибельныя для себя и своего ближняго!..

Нравственность народовъ есть нравственность частныхъ людей. Народъ человѣколюбивый и кроткій слѣдуя правиламъ добродѣтели и истинной мудрости, никогда не нарушаетъ спокойствія другихъ державъ. Онъ не зиждетъ своего щастія на развалинахъ другихъ. — Однѣ, права личности, однѣ, необходимыя и строгія правила справедливости, принуждаютъ его взять оружіе защищенія и итти на отраженіе дерскаго нарушителя священныхъ и непреложныхъ Правъ человѣчества. Въ сей только крайности, наноситъ онъ зло, отнимаетъ иногда даже самую жизнь у другаго народа. Ибо пощадя бытіе другихъ, можно потерять свое собственное. Сіи врожденныя, непреоборимыя и спасительныя истины начертаны на сердцѣ каждаго кроткаго народа. Слѣдуя ихъ правиламъ, оні никогда не думаютъ утѣснять даже и слабыхъ, не будучи отъ нихъ оскорбленными.

Правила корыстолюбивыхъ и тщеславныхъ народовъ совершенно противоположны всеобщему щастію. Онѣ вред-

ны имъ самимъ и всѣмъ, окружающимъ ихъ державамъ. Отдавшись во власть стремительныхъ и пылкихъ страстей, они изнуряютъ, мучатъ самихъ себя. — Щастіе думаютъ основать на мнимой и пустой славѣ, на ложномъ началѣ пользы. Они не размышляютъ о томъ, что благо, коего достигнуть желаютъ, гораздо меньше зла, ими претерпѣваемаго. Громъ оружія, звуки побѣдъ заглушаютъ ихъ слухъ. Они не внемлютъ стонамъ собственныхъ сердецъ своихъ. Селитреный дымъ потемняетъ разсудокъ ихъ Героевъ. Они не помышляютъ объ отвращеніи тѣхъ бѣдствій, которыя отвратить имѣютъ возможность. Привыкнувъ глотать дымъ, сію адскую стихію, имъ сладка кажется всякая горечь. Видя поля, покрытыя трупами, видя землю, человѣческой кровію упоенную, веселятся пріобрѣтеніемъ какой нибудь небольшой области. Безумное веселіе! горестная замѣна!

Человѣкъ! доколѣ ложныя мечты поставлять ты будешь на мѣсто истинныхъ правилъ мудрости и существенна-

го щастія? Или не видишь ты, что всякое пріобрѣтеніе, совокупленное съ неправдою, всякое наслажденіе, отнятое отъ наслажденія подобнаго тебѣ человѣка, полагаетъ новое зерно ко злу, новыя преграды къ наслажденіямъ? Стремясь къ цѣли своей, ты лишь болѣе отъ нее удаляешься. —

Истинные Герои и человѣколюбивые Государи, ревнующіе о щастіи своихъ подданныхъ, можетъ быть, когда нибудь возстановятъ всеобщее спокойствіе между всѣми народами: но досель къ оскорбленію добрыхъ Государей и просвѣщенной Европы, мы не видали еще злашыхъ временъ сихъ!

Давно ли просвѣщенный народъ напоминалъ намъ древнія времена раздора, ужаса и варварства, — времена, покрытыя глубокимъ и продолжительнымъ мракомъ, освѣщаемымъ для Историковъ одними факелами злодѣйства и безбожія? Давно ли Французы подобно дикимъ звѣрямъ и кровожаждущимъ завоевателямъ съ мечемъ и пламенемъ пробѣгали земли,

грабили храмы, истребляли Богослуженіе, оскорбляли безвинныхъ и опустошали плодоноснѣйшія страны! Вѣками утвержденное спокойствіе щасливой Швейцаріи, мгновенно низпровергнуто. Въ нѣсколько дней вольныя области страны сея истреблены были пламенемъ. На горахъ, кои считались непреоборимою оградою природы, кровь вольнаго народа пролилась рѣками! Три Престола пали; у трехъ Вѣценосцевъ исторгнуты державы. Владыка гордаго Рима изгнанъ изъ земли своей. — Король Сардинскій и Неаполитанскій подверглись подобному жребію. Свирѣпство и корыстолюбіе устремилось во всѣ части свѣта. Азія, Африка и Америка испытали ихъ жестокости. Левантъ и Египетъ страдали отъ ихъ насилія. Кто знаетъ, что и все бы не сдѣлалось жертвою гнусной страсти?

Но ПАВЕЛЪ Первый, исполненный благородныхъ и высокихъ чувствованій, съ смѣлостію, приличною Герою, рѣшился защитить страждущее и угнѣтенное человѣчество. Едва Великій Государь сказалъ: *надобно укротить пагубныя стра-*

сти тылкаго народа; и — Сѣверный Геркулесъ — Суворовъ, летитъ сражаться съ полчищами Французовъ. Побѣда паритъ надъ главою Его.

Уже слышу я громкія восклицанія Вѣны, его сопровождающей (*). Вижу всѣ сердца Верронскаго народа, летящія къ нему на встрѣчу. (**) ...... и Герой нашъ въ Италіи! ... Новое поприще для его славы! Новая пища для его обширнаго Генія! Здѣсь-то чудесный Суворовъ показалъ всю творческую силу военнаго дарованія. Здѣсь-то дѣлается онъ непостижимымъ для самыхъ быстрѣйшихъ понятій. Здѣсь-то, (въ мѣстахъ, столь отдаленныхъ и совсѣмъ для него неизвѣстныхъ) въ одно мгновеніе озиралъ онъ предметы, даже и сокрытые отъ его

(*) Въ Вѣнѣ народъ провожалъ его съ безпрестанными восклицаніями: *Виватъ*!.

(**) По прибытіи въ Веррону народъ встрѣтилъ Суворова, отпрягъ лошадей отъ экипажа Его и привезъ его на себѣ въ домъ, назначенный для его принятія. Почесть, приличная однимъ Владыкамъ цѣлаго міра!-

взоровъ. Вообразитъ ли обыкновенный человѣкъ, какъ можно умомъ и вмѣстѣ шѣломъ работать двадцать часовъ въ сутки, и всякой день такъ, какъ работалъ Суворовъ? Какое множество предначертаній должно было соображать ему и приводить въ систему? Какое разнообразіе предметовъ и обстоятельствъ обнимать ему надлежало; и каждое обстоятельство требуетъ повсемственнаго взора, спокойствія души, неутомимой дѣятельности и рѣдкой твердости.

Брать укрѣпленныя мѣста; строить батареи; пользоваться выгоднымъ положеніемъ и не давать преимущества непріятелю; знать приближаться и отступать назадъ; перемѣнять планъ и принимать лучшія мѣры; не ослабѣвать въ опасности; не забываться послѣ побѣды; спокойно ожидать тѣхъ жестокихъ минутъ, которыя рѣшатъ сраженія; въ пользу употреблять ошибки другихъ, но самимъ ихъ не дѣлать; или, что еще болѣе, поправлять оныя и пробиваясь сквозь сильные полки непріятелей, торжествовать надъ самымъ рокомъ! Вотъ настав-

ленія нашего Цезаря! И кто? кто? кромѣ Героевъ, служащихъ подъ предводительствомъ Суворова могъ бы ихъ выполнить?..

Слова, излетающія изъ устъ великаго Предводителя, и изъ обыкновенныхъ воиновъ дѣлаютъ чудесныхъ ратоборцевъ. Прокламаціи Суворова сильны воодушевить безчувственность! Они какъ будто бы на твердой мѣди глубоко печатлѣются въ сердцахъ Италійцовъ. „*Утѣштесь народы! говоритъ Герой „нашъ, есть Богъ, васъ охраняющій, есть „и войска васъ защищающія. Посмотрите „на множество ратниковъ, посмотрите „на новую побѣдоносную армію, присланную къ вамъ на помощь отъ Россійскаго „Императора, посмотрите? и проч.*„

Они взглянули и робость Италіянцовъ начала приходить въ прежнее состояніе смѣлости; они сами по себѣ готовы были, кажется, оттолкнуть противную силу, отовсюду ихъ давящую.— Чему жъ произойти надлежало когда способствовалъ имъ Суворовъ? Одно имя его сообщало всему такой вѣсъ, такую

тяжесть, что ни что не могло удержать силы, стремящейся къ своему средоточію.

Естьли бы Французы вѣрили опытамъ, кои уже многократно и съ великимъ успѣхомъ производили Россіяне въ Европѣ; естьлибъ знали непреложныя дѣйствія Суворова и не прикасались болѣе къ тѣламъ, наполненнымъ его силой: то не испытали бъ они столь сильнаго отраженія. Но гордость болѣе всѣхъ въ самой себѣ увѣрена. Французы, слѣдующіе ея внушеніямъ, хотѣли превосходствомъ силъ отразить противодѣйствующихъ. Какихъ усилій не предпринимали они; — но все было тщетно! Едва произнесъ Суворовъ, что время дѣйствовать,-и все поднимается на воздухъ, и - по желѣзному пруту ниспадаетъ молнія на землю; громы разразились — три удара, и-многочисленныя полчища Французовъ-повержены! Италія какъ Фениксъ востаетъ изъ своего пепла. Многія истребленныя мечемъ области, возстановляются рукою Суворова и приходятъ въ прежнее состояніе независимости.

Сѣверный Геркулесъ не довольствуется тѣмъ, что Ломбардію, Модену, Парму, Феррару, Болонну, Піемонтъ, Тоскану, словомъ, всю Италію освободилъ отъ тягостнаго ига и отвратилъ грозныя тучи, носящіяся надъ главою ея; Онъ подобно благодѣтельному Божеству, хочетъ навсегда очистить южную атмосферу отъ вредныхъ испареній; онъ хочетъ, чтобъ въ прекраснѣйшихъ странахъ сихъ снова ясные дни возсіяли и оживили вольный народъ, чуждому скипетру порабощенный. —

Но благія намѣренія почти всегда сопряжены бываютъ съ величайшими препятствіями. Прежде, нежели ихъ достигнемъ, надобно пройти чрезъ тысячу искушеній. Страшныя пропасти, зіяющія бездны, безконечные хребты горъ, высящіяся до небесъ, словомъ, всѣ ужасы и всѣ опасности встрѣтились съ Суворовымъ при самомъ началѣ столь знаменитаго подвига. Кажется, сама Природа, своею неприступностію покровительствовала неправдѣ и оспоривала достоинство добродѣтели! Но естьли Курцій и Децій безстрашно бросались въ от-

верстыя челюсти смерти, для достиженія цѣли своей: то какая чудесная сила могла удержать нашего Героя отъ его предпріятій? Изъ человѣка дѣлается онъ какимъ-то существомъ, совсѣмъ для насъ непостижимымъ. Видите ли вы, что Суворовъ уже на воздухѣ — и подобно смѣлому Орлу возлѣтаетъ къ солнцу? Слышите ли, какъ мощные крылѣ его разсѣкаютъ южную атмосферу? Смотрите, какъ паритъ онъ надъ вершинами горъ Алпійскихъ, бросаетъ смѣлый и пламенный взоръ на гордые хребты ихъ, ниспускается въ бездны, открываетъ тайныя убѣжища Французовъ, постигаетъ ихъ намѣренія, потомъ опять воздымается, разширяетъ убивственное крыло — и враги, гнѣздящіеся въ ущелинахъ горъ кремнистыхъ, низвергаются въ бездну! Франція содрогается. Ихъ паденіе столь громко раздалось по Италіи, что и теперь еще отзывается въ слухѣ нашемъ. Оно будетъ служить Эпохою въ лѣтописяхъ народовъ и незабвеннымъ памятникомъ для Суворова! —

Франція по всѣмъ вѣроятностямъ, Политики должна была погибнуть. —

Герой Италійской, истребя одною горстію все многочисленное ихъ воинство, шелъ прямо къ Парижу; всѣ крѣпости были имъ разрушены; онъ не видѣлъ никакихъ сопротивленій. Всѣ только страшились его могущества; Французы чувствовали предъ нимъ свое безсиліе и ожидали конечной гибели. Но-видно Австрія позавидовала славѣ Суворова; видно, какая нибудь злобная змѣя *прошипѣла*, и Сѣверный Орелъ, не терпящій ни какой низкой твари, бросаетъ гордый взглядъ и летитъ обратно къ отечественной странѣ своей. Слава — звучная слава, стремится по слѣдамъ его и трубитъ побѣду во всѣхъ концахъ свѣта!.. Таковъ былъ послѣдній полетъ Суворова! Итакъ мнѣ ли измѣрять быстрыя движенія его? Мнѣ ли возвѣщать, какъ мощныя крылѣ давили сопротивляющуюся имъ южную атмосферу и восторжествовали наконецъ надъ самою природою? Мнѣ ли?.... Да и чье щастливое воображеніе можетъ слѣдовать за орлими крылами? — Я не воинъ, я не бралъ участія въ тѣхъ неисчислимыхъ и быстрыхъ полетахъ, которыя Орелъ нашъ — Суво-

ровъ свершилъ въ сей поднебесной. Мнѣ надлежало бы смотрѣть на него только въ покоѣ, но бдительность Суворова много ли имѣла минутъ, сего опаснаго для него бездѣйствія? Выключая самомалѣйшую часть, не вся ли жизнь его была только пареніе? Не всѣ ли дѣйствія его суть только побѣды? —

Небо, какъ будто бы нарочно испытывало силы Суворова. При его жизни нѣсколько разъ покрываемъ былъ грозными тучами небосклонъ Россійскій. Монархи всегда употребляли его своимъ орудіемъ. Суворовъ сопротивляяся ужаснымъ стихіямъ и грознымъ перунамъ доказалъ всему свѣту великость души своей. Такъ! — Она была тверда, мужественна, добродѣтельна, истинно Геройская! Будучи изобрѣтателенъ въ способахъ, бдителенъ въ исправленіи потери, подобился онъ всегда *оживающему*, находясь въ безчисленныхъ сраженіяхъ, Онъ ни одного не проигрывалъ. Управляя цѣлыми тысячами, онъ не видѣлъ ни гдѣ разногласія, отъ того, что ограничивая власть другихъ, не хотѣлъ самъ быть

неограниченнымъ. Должности полководцевъ онъ поручалъ людямъ, достойнымъ общаго уваженія, людямъ — которыхъ способность извѣдана опытомъ въ нижнихъ чинахъ, и которые воодушевляясь любовію къ отечеству; никогда не искали личныхъ для себя выгодъ. Сей Герой толико опытный въ военномъ искусствѣ весьма хорошо зналъ и человѣческое сердце. И потому-то избиралъ въ орудіе Государственнаго блага людей мужественныхъ, но вмѣстѣ и добродѣтельныхъ; ибо онъ увѣренъ, что разумъ и самыя истинныя дарованія должны быть удаляемы отъ важныхъ должностей, коль скоро не соединены они съ хорошею нравственностію и съ твердою пламенѣющею любовію къ отечеству душею. Всѣ его выборы заслуживали одобреніе Монарховъ. Суворовъ вмѣщалъ въ себѣ все то, что можетъ заслужить любовь согражданъ и уваженіе всего потомства.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ Россіяне любятъ Суворова и почитаютъ благодѣтельнымъ хранителемъ отечества. Я увѣренъ, что потомство сей безпристраст-

ный судія, вписавъ его въ книгу Героевъ, помѣститъ и между благодѣтелей человѣчества. — Но есть люди, завистники Россіянъ, которые стараются помрачить славу Суворова называя его *жестокимъ* и *безчеловѣчнымъ.* Мало ли (говорятъ они) видѣлъ свѣтъ тѣхъ кровавыхъ и ужасныхъ дней, въ кои тысячи невинныхъ принесены были на жертву симъ грознымъ страстямъ его? Мало ли пролито было имъ крови, которая-бъ не должна быть пролитою? Правда. Но льзя-ли судить о человѣческомъ сердцѣ по одной только наружности? Мало ли находится такихъ философовъ, которые облекаясь всею вѣроятностію чувствительности, ничего не чувствуютъ? И напротивъ, сколько есть воиновъ, кои бываютъ жестокими по одной только необходимости? Льзя ли быть увѣрену, что и тѣ, кои осуждаютъ воиновъ въ жестокости, въ самомъ дѣлѣ чувствительны? Мы видѣли людей, кои охуждали безчеловѣчіе, чтобъ самимъ сдѣлаться безчеловѣчными; возставали противу рабства, чтобъ сдѣлаться владыками; защищали свободу, чтобъ болѣе утѣснять

ее; вздыхали о каждой капли крови, чтобъ послѣ безжалостно проливать ее рѣками. Какое несносное притворство! Какая богопротивная нравственность! — Робеспьеръ, Кромвель! какъ вы презрительны въ глазахъ человѣчества!

Строгіе учители! естьли вы истинно жалѣете о человѣчествѣ, то скажите, что лучше: не дѣлать зла даже и злому, чтобъ нанесть его всякому доброму? или причинить его немногимъ преступникамъ, дабы отвратить его отъ всѣхъ невинныхъ?.. Нарушители священныхъ Правъ, преступники Законовъ, убивственная рука коихъ терзала бѣдное человѣчество, губила согражданъ своихъ, словомъ, чьи злодѣянія помрачили всѣ добродѣтели, чьи беззаконія превысили всякое милосердіе, стоютъ ли сожалѣнія?

При всемъ томъ, естьли бы стремленіе страстей возможно было укротить благоразуміемъ, вѣроломство снисхожденіемъ, злодѣйство добродѣтелію, безчеловѣчіе человѣколюбіемъ, короче; естьлибы въ войнѣ, и въ войнѣ жестокой, можно

было достигнуть конца безъ всякаго кровопролитія; естьли-бы высочайшій законъ Природы равносильно дѣйствовалъ на необразованнаго, раздраженнаго и поколѣни въ крови ходящаго солдата, какъ дѣйствуетъ онъ на философа, или гражданина, покоящагося подъ сѣнію мира; тогда каждый увѣрился бы сколько велекодушный Герой щадить умѣетъ даже и тѣхъ, коихъ щадить не надлежитъ. Кому не извѣстно, съ какимъ сердечнымъ прискорбіемъ, съ какимъ трогательнымъ чувствомъ воспоминалъ Суворовъ о тѣхъ ужасныхъ дняхъ, въ кои по не избѣжности рока пролита была кровь человѣчества? Я читалъ жизнь Суворова, читалъ нѣкоторыя письма къ друзьямъ его, и безъ всякаго пристрастія, по одной только любви къ истиннѣ долженъ сказать, что каждое дѣйствіе его жизни, каждое слово, имъ написанное, доказываетъ нѣжную его чувствительность, добродѣтельную душу и ревность ко благу Отечества. Правда, что Суворовъ любилъ побѣждать непріятелей; но никогда не желалъ войны, чтобъ она была кровава. Естьлижъ она была таковою,

что отъ него ли сіе зависило? Чѣмъ сильнѣе сопротивленіе; тѣмъ опаснѣе ударъ. Можетъ быть, никто не научился еще чувствовать такъ живо цѣны человѣчества, какъ Суворовъ. Ибо онъ дознал опытомъ, что война самая щастливая, самая блистательная своими успѣхами стоитъ дорого, — стоитъ горькихъ слезъ побѣдителю; стоитъ народамъ того, что имъ всего драгоцѣннѣе и священнѣе: блага семѣйствъ, крови дѣтей и друзей своихъ. —

Въ картинѣ войны повсюду встрѣчаемъ мы опыты рѣдкаго великодушія Суворова. Долговременныя осады, угрозы, капитуляціи, суть вѣрныя доказательства его человѣколюбія. И онъ не вмѣщалъ въ себѣ ни одного такого безумнаго чувствія, каковыя ему приписываютъ. Часто одна наружность въ человѣкѣ, дѣлаетъ его болѣе виновнымъ, нежели онъ есть въ самомъ дѣлѣ! Спросите всѣхъ Россійскихъ и Германскихъ воиновъ, спросите даже благородныхъ враговъ и его плѣнниковъ, всѣ они скажутъ, что Суворовъ сколько былъ

храбръ, столько же великодушенъ. Онъ былъ Александръ по своимъ побѣдамъ, но совсѣмъ другой по сердцу. Онъ не сдѣлалъ ни одного такого поступка, каковымъ очернили себя многіе древніе завоеватели. Персія не сохранила слѣдовъ Александровыхъ добродѣтелей. Ничто не возвѣщаетъ тамъ его человѣколюбія: но Италія въ народныхъ пѣсняхъ и другихъ изустныхъ и письменныхъ преданіяхъ, показываетъ къ Суворову искреннюю любовь и признательность. И естьли бы царствовали у насъ обманчивыя грезы мифологіи и мечты воображенія; то Суворова назвалибъ какимъ нибудь полу-богомъ, посвятили бы ему храмъ на горахъ Алпійскихъ и сталибъ приносить жертвы....

Но великій въ Герояхъ сохранилъ нѣжную чувствительность отца и мирнаго гражданина, которая покровительствовала бѣднымъ, вступалась за нещастныхъ и утѣшала невинныхъ; тотъ самый мужъ, который на полѣ сраженія подобился перуну раздраженнаго Божества, въ кругу семѣйства, при видѣ сла-

баго и нещастнаго имѣлъ всю мягкость и чувствительность сердца. Безсильные старики находили въ немъ подпору. Младые юноши - добродѣтельнаго и благочестиваго наставника. Лаская сихъ послѣднихъ сѣдинами и всѣми почестями украшенный Герой, нерѣдко проливалъ радостныя слезы. „ *О невинность! о любезные дѣти! скоро, скоро и я на васъ походить буду*„ часто говаривалъ Катонъ нашъ. Внимая сіи кроткія, отъ сердца проистекающія слова, не всякъ ли согласится, что Суворовъ имѣлъ не жестокую душу? Одна черта сія не доказываетъ ли мягкости его характера? Не подтверждаетъ ли того общаго мнѣнія, что изъ поступковъ воина не должно судить о его жестокости? Ибо строгая нравственность не всегда можетъ быть совмѣстна съ правилами военнаго искусства.

Исполняя должности гражданина, воина, подданнаго и отца онъ былъ самымъ искреннимъ сыномъ Церкви. — Всѣ побѣды, имъ одержанныя, приписывалъ онъ Творцу, поборающему непра-

вдѣ. Всего болѣе нанавидѣлъ онъ нечестивую философію, пораждающую одни только беззаконія. Суетность міра никогда не возмущала спокойствія души его. Онъ былъ ко всему равнодушенъ. Безстыдное сребролюбіе было для него ненавистно.—Зависть никогда не останавливала его дѣятельности. Онъ былъ жаденъ, такъ сказать, ко славѣ, но всегда готовъ былъ уступить ее другимъ, естьли могъ симъ достигнуть главной своей цѣли. Духъ его столько былъ свободенъ отъ эгоизма, сколько отъ гордости. Клевета, сей непримиримый врагъ людей великихъ и всего того, что составляетъ ихъ достоинства, самая клевета ни въ чемъ не смѣла очернить его. Итакъ гдѣ при великихъ заслугахъ, совокуплены столь великія душевныя качества; гдѣ собраны всѣ добродѣтели, тамъ кто можетъ не признать истинной великости духа и характера? Кто можетъ не принесть дани тому, кто достоинъ олтарей цѣлаго свѣта?

Сограждане! и вы храбрые воины и ревностные защитники Отечества! соберитесь къ памятнику знаменитаго

и преславнаго Героя съ сердцами, исполненными благодарности, съ душами, готовыми къ впѣчатлѣніямъ. Вѣрно вы неоднократно видѣли изваяніе, представляющее Суворова; нѣсколько разъ читали тшила и надписи, сіи слабыя и тлѣнныя изображенія того, что уже болѣе не существуетъ, читали и воздыхали о своемъ безсиліи, что не-можете сдѣлать безсмертнымъ, того, что для васъ священно. Такъ! вы предвидите что сей памятникъ, сіе искусное изображеніе знаменитаго художника, разрушится. Время, которое все ниспровергаетъ, ударитъ нѣкогда въ сію крѣпкую мѣдь — и герой, котораго изображаетъ она, сокрушится! Бурныя стихіи истребятъ и развѣютъ остатки его. Чтожъ бубудутъ тогда всѣ сіи знаки похвалъ и воздаяній: всѣ сіи величественныя пирамиды? Ничтожество. Горестное ожиданіе! Трогательное и вмѣстѣ ужасное зрѣлище. — Но утѣшьтесь! Мы смертны — и ни-чего не можемъ содѣлать безсмертнаго. Нашъ герой не требуетъ отъ насъ безсмертія, но одной только благодарности — быть ревностными

друзьями Истины и Справедливости, быть истинными защитниками Вѣры Отечества и Престола. Жизнь, дѣла, даже самая смерть Суворова — безсмертные его памятники! —

Клянусь священнымъ именемъ сего Героя, именемъ всего Россійскаго воинства; клянусь всѣмъ моимъ Отечествомъ и грядущимъ потомствомъ, что всѣ дѣянія Суворова будутъ вѣчно гремѣть въ лѣтописяхъ міра. Клянусь, что его военная слава, его добродѣтели пролетятъ чрезъ всю пожирающую пучину вѣчности, и сквозь разрушеній-сквозь отдаленныя и густыя тучи временъ будутъ сіять какъ величественныя свѣтила торжественнымъ и плѣнительнымъ блескомъ! Ибо Суворовъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ совершеннѣйшій примѣръ человѣчества; онъ сражался за одну Справедливость, Добродѣтель, собственность, за гражданъ, Престолъ и Отечество. Его мечь устремлялся только на главу злодѣйскую. Одно насиліе, тиранство и похищеніе власти навлекало на себя всю месть могущественной руки его!...

О! какъ бы желательно, чтобъ всѣ сердца наши, а особливо сердца тѣхъ, коихъ порода, дарованія и Отечество призываютъ начальствовать, воспламенились ревностію Суворова и имѣли его образцемъ своимъ! Какъ бы желательно, чтобы Россія всякой разъ, когда будетъ производить войну, не имѣла причины соболѣзновать о лишеніи сего великаго человѣка! Господи Силъ! Ты вся можеши совершити! —

А Ты храбрѣйшій изъ Россовъ! Ты, который внималъ гласу безчисленныхъ Ораторовъ и Стихотворцевъ, который возвеличенъ безсмертною Лирою Россійскаго Пиндара, быстро парящаго по слѣдамъ твоимъ, внемли послѣднимъ усиліямъ гласа, во-всѣмъ тебѣ незнакомаго. Ахъ! онъ противъ воли нѣмѣетъ въ слабыхъ устахъ моихъ. Пріими пламенную жертву, которая никогда не - угаснетъ въ груди моей. Не-презри и сего слабаго твоего изображенія, которое дрожащею рукою осмѣлился начертать я-и съ благоговѣніемъ повергнуть къ подножію Твоего Памятника! —

КОНЕЦЪ.